

ЗИМНЕЕ ИЗСЛЕДОВАНИЕ

НАГОРНОГО БЕРЕГА ИРТЫША ОТЪ ТОБОЛЬСКА ДО САМАРОВА

и

СЪВЕРНЫХЪ ТУНДРЪ МЕЖДУ ОБСКОЮ ГУБОЮ И СУРГУТОМЪ.

Въ виду попытокъ установить морскую торговлю между Западною Сибирью и Европой, возникъ вопросъ объ устройствѣ телеграфа, если не до Обской губы, что могло бы стоить весьма дорого, то покрайней мѣрѣ до села Самарова, находящагося недалеко отъ слиянія Иртыша съ Обью, на перепутьи воднаго сообщенія между Тобольскомъ, Томскомъ и Обдорскомъ. Подобное мѣропріятіе до извѣстной степени облегчало бы торговыя сношенія; выполненіе же его было бы тѣмъ легче, если бы отъ Тобольска къ Самарову существовало сухопутное сообщеніе. Но, понынѣ, между нимиѣздятъ по Иртышу, зимою—по льду и замерзшемъ болотистымъ низинамъ, а лѣтомъ на лодкахъ, причемъ внизъ по течению онъ спускаются довольно быстро; за то противъ теченія и при неблагопріятной погодѣ плаваніе ихъ крайне замедляется. Всѣдѣствие объясненныхъ обстоятельствъ, по распоряженію Генераль-Губернатора Западной Сибири, мнѣ поручено было выяснить на сколько возможно проложить колесную дорогу по правому нагорному берегу Иртыша изъ Тобольска въ Самарово и удобно ли провести тамъ телеграфъ. Съ своей стороны Западно-Сибирскій Отдѣль Императорскаго Русскаго Географическаго Общества возложилъ на менѧ осмотръ съверныхъ тундръ между Обскою губою и г. Сургутомъ. Это пространство, на основаніи разныхъ слуховъ и догадокъ, признавалось то сплошнымъ моховымъ болотомъ, то непроходимою лѣсною чащою. Между тѣмъ для обезпеченія торговыхъ потребностей въ Обской губѣ представлялось весьма важнымъ, если бы на южное побережье ея, къ мысу Лидинзитъ или къ мысу Нилѣ, гдѣ

началь производиться обмѣнъ товаровъ, доставляемыхъ рѣчными пароходами и морскими судами, могъ сплавляться дровянной и строевой лѣсъ по р. Надыму. На послѣднее обстоятельство Отдѣль и обратилъ свое вниманіе, а сверхъ того желалъ собрать свѣдѣнія о томъ: удобопроходимо ли въ лѣтнюю пору означенное пространство, заключающееся между Обскою губою, Сургутомъ, Самаровимъ, Березовомъ и Обдорскомъ, гдѣ тамъ находятся останія или самоѣдскія стойбища и каково вообще положеніе инородцевъ. Упомянутыя изслѣдованія я предпринялъ зимою 1879 года, когда въ сѣверныхъ краяхъ почти повсемѣстно можно пробраться частью на лошадяхъ, но преимущественно на оленяхъ, а иногда и на собакахъ.

Не вдаваясь въ подробности относительно нагорнаго берега Иртыша, признаю не лишнимъ изложить о немъ прежде, чѣмъ приступить въ настоящей статьѣ къ описанію моей поѣздки въ тундру, согласно порученію Отдѣла. Это, по мнѣнію моему, тѣмъ болѣе уместно, что общій характеръ береговъ на встрѣчавшихся мнѣ рѣкахъ, почти всегда былъ одинаковъ. Такъ называемая Иртышская гора, потянувшаяся на право отъ русла рѣки между Тобольскомъ и Самаровимъ, представляетъ собою возвышенную гряду, имѣющую съ западной стороны значительную крутизну, которая достигаетъ до 20 саж. надъ уровнемъ воды, а съ восточной стороны слабую, едва замѣтную покатость, теряющуюся въ обширныхъ болотахъ. Эта грязь мѣстами подходитъ къ самому руслу Иртыша, мѣстами отдается отъ него на 18 и 20 верстъ. Направленіе ея не образуетъ прямой линіи и выдается иногда неширокими выступами отъ востока къ западу. Однако русло Иртыша болѣе извилисто, нежели Иртышская гора, такъ что протяженіе его между Тобольскомъ и Самаровимъ равняется 560 верстамъ, тогда какъ протяженіе горы составляетъ около 460 верстъ. Грунтъ земли нагорнаго берега глинисто-песчаный. На крутомъ, западномъ скатѣ его нерѣдко попадаются глубокіе овраги. Въ некоторыхъ мѣстахъ, подлѣ рѣки, онъ подмывается весеннимъ разливомъ воды съ такою силою, что обрушивается на значительномъ разстояніи. Поэтому на немъ много отѣсныхъ обрывовъ. Кроме того, Иртышская гора пересѣкается правыми притоками Иртыша. Самые многоводные изъ нихъ рр. Демьянъ, Турсасъ, Аремзянка и нѣсколько Бобровокъ. Всѣ они, пересѣкая гору, об-

разуютъ долины не шире версты. Эти долины весною заливаются полою водой, впрочемъ не надолго. Большая часть Иртышской горы покосла хвойнымъ лѣсомъ, хотя на ней есть и мѣшаный лѣсъ; но и въ послѣднемъ хвойная деревья преобладаютъ. Вообще лѣсъ не представляетъ сплошной чащи и скорѣе рѣдокъ. Къ тому же онъ частью выгорѣлъ и перемежается луговыми прогалинами. Напротивъ, лѣвый берегъ Иртыша и низменныя пространства, раскинувшіяся между его русломъ и Иртышскою горою, мало поднимаются надъ уровнемъ воды, болотисты, изрыты множествомъ протоковъ и густо поросли ивнякомъ. Какъ русскія селенія, такъ и инородческія юрты располагаются главнымъ образомъ на холмахъ, въ низменной долинѣ Иртыша, вблизи отъ самого русла, тамъ где наиболѣе удобно производить рыбный промыселъ. Есть селенія и на Иртышской горѣ, въ тѣхъ мѣстахъ, где она не отделяется отъ рѣки. При такомъ расположеніи селеній, колесныхъ путей между ними прокладывать было не сподручно. Для этого потребовалось бы устраивать гати черезъ болота, равно мости черезъ протоки, что представлялось крестьянамъ напраснымъ трудомъ, такъ какъ упомянутыя сооруженія уничтожались бы весеннимъ разливомъ, до того заливающимъ Иртышскую долину, что находящіяся въ ней деревни оказываются въ полую воду какъ бы построеннымъ на островахъ и частію въ самой водѣ, а сообщеніе между ними во время ледохода совсѣмъ прерывается. Все это не исключаетъ однако возможности проложить непрерывную колесную дорогу отъ Тобольска въ Самарово по Иртышской горѣ, на которой вокругъ деревень наѣзжены уже дороги и на рѣкахъ существуютъ паромы, служащіе послѣ убыли воды мостами. Прорубить просѣки въ лѣсахъ не трудно. Если же дорогу не направлять по окраинамъ горы, но, смотря по удобству, спрямлять, то протяженіе ея между Тобольскомъ и Самаровимъ едва ли на много превысило бы 400 верстъ. Тогда деревни встрѣчались бы на ней верстахъ въ 30 или въ 40 и, только въ двухъ случаяхъ, ихъ не имѣлось бы на разстояніи 60 и 65 верстъ. Что касается телографа, то, несопровождаясь затрудненіями въ своемъ устройствѣ, онъ не ощущительно терпѣлъ бы отъ разлива Демьяна, Турсаса или прочихъ притоковъ Иртыша, текущихъ по узкимъ долинамъ въ мѣстахъ пересѣченія ими нагорнаго берега. Наконецъ, насколько удобопроходима Иртышская гора, подтверждается уже тѣмъ, что по ней вѣжали въ

телъжкахъ отъ Рѣполовскаго до Тобольска на разстояніи болѣе 325 верстъ, когда снѣгъ сходилъ ранѣе, чѣмъ рѣки и ручьи вскрывались отъ льда, по которому черезъ нихъ и переправлялись.

Зимнимъ путемъ отъ Тобольска въ Самарово и далѣе до Березова, я ѿхалъ на лошадяхъ. Въ селеніяхъ, гдѣ находятся почтовы станціи, амщики обыкновенно привозятъ проѣзжающихъ въ дома зажиточныхъ промышленниковъ и торговцевъ, доставляя такимъ образомъ возможность спросить самоваръ или какую нибудь страну, чего въ большинствѣ случаевъ нельзѧ найти у почтосодержателей. А какъ мѣстнымъ средствомъ для наживы служить эксплуатациѣ инородцевъ, то хозяева, у которыхъ мнѣ доводилось останавливаться, безъ сомнѣнія, должны были хорошо знать ближайшее отъ нихъ пути въ глубину тундръ. Но они весьма уклончиво отвѣчали на мои распросы. Влослѣдствіи я убѣдился, что имъ выгоднѣе, чтобы тундры оставались невѣдомой пустыней. Разговорчивѣ били посторонніе торговцы, возвращавшіеся изъ тундръ, обдѣлавъ свои предпріятія въ средѣ инородческаго населенія. По ихъ разсказамъ, Казымскія юрты, стоящія на верхнемъ теченіи рѣки Казымъ и въ старину называвшіяся Казымскимъ или Юильскимъ городкомъ, составляютъ главный центръ въ тундрахъ, куда прокладываются зимою оленьи пути отъ Обской губы, рѣки Таза, Сургута, Селиярекаго, Полноватскаго, Обдорска и проч. Самое удобное сообщеніе съ Казымскими юртами изъ Березова: на Полноватское и вдоль лѣваго, нагорного берега р. Казымъ. Этотъ берегъ высокъ, поросъ преимущественно хвойнымъ лѣсомъ, мѣстами отдалается отъ русла и, какъ надо полагать, удобопроходимъ въ лѣтнюю пору, образуя собою окраину водораздѣла между р. Казымомъ, р. Пимомъ, р. Ляминымъ или вѣрнѣе Лямаемъ и др. Кромѣ того, вверхъ по Казыму, можно подняться на лодкѣ средней величины. Впрочемъ, мнѣ не пришлось свидѣться съ кѣмъ нибудь изъ бывавшихъ въ Казымскихъ юртахъ лѣтомъ. Тамъ собираются промышленники, торговцы и инородцы на ярмарку, которая обыкновенно открывается послѣ окончанія Обдорской ярмарки и продолжается почти весь февраль мѣсяцъ. Къ началу ея, въ 1879 году торговцамъ довелось ѿхать изъ Полноватскаго 7 дней, потому что оленья дорога не была еще наѣзжена, а обратно изъ Казымъ, по торному пути, они возвращались 4 дня.

Предпринимаемая мною поездка въ тундры, по мнѣнію ихъ,

не должна была бы сопровождаться опасностью, въ томъ случаѣ, если бы мнѣ удалось найти опытнаго толмача. Иначе, они признавали ее невозможную. Мѣстные остатки въ свою очередь оказывались чрезвычайно сдержанными въ рѣчахъ. Въ добавокъ въ нихъ проявлялось не мало лукавства. Между Тобольскомъ и Самаровъмъ, они сносно говорятъ по русски и съ виду похожи на крестьянъ, но чѣмъ далѣе къ Березову, тѣмъ замѣтнѣе становится ихъ своеобразный, непривлекательный типъ, а русскія слова произносятся ими не связно и едва понятно. Чтобы склонить къ бесѣдѣ, требовалось каждый разъ подчывать ихъ водкой. Однако и тогда, вмѣсто этвѣтовъ на мои вопросы: каково имъ живется, удачны ли промыслы и т. п., они, къ великому моему изумленію, затягивали пѣсню о какихъ-то русскихъ людяхъ, величая ихъ по имени и по отчеству. Потомъ выяснилось, что импровизаціи ихъ слагались о доблестяхъ разныхъ приказчиковъ купца Корнилова, заправляющихъ рыбными промыслами. Благодушнѣе были самоѣды, встрѣтившіеся мнѣ въ Самаровѣ и въ Карымкарскихъ юртахъ. Они приковчевали за 1000 верстъ съ р. Таза, изъ подъ Туруханска, выступивъ оттуда еще осенью и направляясь частью на р. Пуръ, холмистую возвышенность Сатты, р. Торумъ-Юганъ, озеро Сызынь-Ларъ, с. Селияровское и Самарово, частью къ Казымскимъ юртамъ на ярмарку, потомъ на Полноватское и въ Карымкарскія юрты. На штуки ими производился пушной промыселъ, вслѣдствіе чего они подвигались впередъ не торопясь. И тѣ и другіе представляли собою великихъ паломниковъ, пробиравшихся къ Волторминскімъ юртамъ по обѣщанію, на поклоненіе идолу Юмалу или, по ихъ произношенію, Йеумалу, которому съ ихъ стороны предназначался богатый вкладъ, заключавшійся въ нѣсколькихъ шкурахъ голубыхъ пescовъ и чернобурыхъ лисицъ. Что это за идолъ—они никогда не видали, но его прославляютъ во всѣхъ концахъ тундръ и остатки, и самоѣды. Говорятъ, будто бы по ночамъ онъносится на бѣломъ конѣ, въ сопровожденіи идола Ортика—покровителя Обской губы, и множества другихъ идоловъ. Потому инородцы, въ минуты опасности или въ тяжкихъ болѣзняхъ и вообще въ какихъ нибудь зариidъ выдающихся случаяхъ, даютъ обѣты отнести ему посильную лепту. Пользуясь религиознымъ настроениемъ своихъ собратій, проживающихъ въ отдаленныхъ тундрахъ, Волторминскіе остатки, навравшіеся цивилизаціи у мѣстныхъ барышниковъ и кулаковъ, без-

пощадно обираютъ паломниковъ, которые охотно раздаютъ имъ ющуюся у нихъ мягкую рухлядь за то, чтобы имъ показали Юмала. Но, послѣ долгихъ, напрасныхъ ожиданій, все оканчивается шаманствомъ въ пустомъ капище, где и оставляются приносимые идолу вклады. При этомъ поломникамъ внушаютъ, что Юмала спрятанъ въ неприступномъ тайнике, чemu они охотно вѣрятъ, одинаково поступая съ идолами на крайнемъ сѣверѣ, ради охраненія ихъ отъ хищничества русскихъ промышленниковъ и въ особенности зирянъ, нерѣдко дозволяющихъ себѣ, подъ лициною христіанства, разныя неистовства надъ язычниками и ихъ богами. Замѣчательно тоже, что, стремясь къ Юмалу, самойды не пропускали случая заходить въ церкви и, распознавая образъ Николая Чудотворца, клали передъ нимъ деньги. Болѣе я не видаль самойдовъ до самого Обдорска. Нанимать встрѣтившихся со мною на поѣздку въ Надымъ оказывалось неумѣстнымъ, такъ какъ у нихъ не имѣлось запасныхъ оленей. Къ тому же пришлось бы выжидатъ окончанія ихъ поломничества, а знающаго дальняя тундры русскаго проводника нельзѧ было найти.

Изъ Березова въ Обдорскъ ъѣза производится зимою только на оденяхъ, въ нартахъ. Послѣднія представляютъ легкія длинныя санки. Есть и крытыя нарты. Но, сидя въ нихъ, нужно свернуться клубкомъ и ничего не видно сквозь маленькое оконце, особенно при постоянномъ подбрасываніи изъ стороны въ сторону. Удобнѣе ъѣхать въ нартахъ, сдѣланныхъ на манеръ обыкновенныхъ сибирскихъ кошевокъ съ рогожаною обшивкою позади и по бокамъ. Для перевозки клади приспособляются нарты съ ящикомъ, куда убираютъ провизію, оберегая ее отъ собакъ, всегда сопровождающихъ путниковъ. Въ нарту впряжены по 4 холощеныхъ оленя, а изрѣдка и вѣженокъ, т. е. ланей. Возчикъ безъ труда правитъ ими, погоняя длинной палкой и упираясь ею на раскатахъ. Черезъ каждые полчаса олени останавливаются и глотаютъ снѣгъ; если же очень устануть, то ложатся. Среднимъ числомъ, по торной дорогѣ, я проѣзжалъ на нихъ до 10 верстъ въ часъ. Съ однѣмъ сѣдокомъ, налеткѣ, они могутъ бѣжать вдвое быстрѣ; зато по рыхлому снѣгу еле тащатся. Благодаря обязательному вниманію Березовскаго окружного исправника, г. Попова, и сдѣланному имъ распоряженію, олени смѣнились на станціяхъ безъ всякой задержки, а возчики, въ болѣшинствѣ остыки, ъѣхали исправно,

хотя плохо понимали по русски. Оленій путь между Березовомъ и Обдорскомъ направляется черезъ село Мужи, по лѣвому рукаву Оби, называемому Малою Обью, который не должно смѣшивать съ посѣдшимъ такое же наименованіе рукавомъ въ началѣ Обской губы, между устьями р. Харауя-яга и Щучьей. Если на рѣкѣ гладкій ледъ, то ъѣздятъ по ней, взбираясь на берегъ лишь для того, чтобы миновать ея изгибы. Если же рѣка замерзаетъ въ пору осенней пуги и покрывается глыбами ломанаго льда, тогда дорогу наѣжаютъ по берегамъ. На станціяхъ, въ инородческихъ юртахъ, состоящихъ изъ чумовъ, непремѣнно имѣется хотя одна, деревянная изба съ чуваломъ въ углу, напоминающимъ каминъ съ отверстиемъ въ потолкѣ вместо трубы, съ нарами, устроеннымми на супротивъ огня и съ маленькими столами. Вообще онѣ сходны съ жилищами тобольскихъ татаръ, какъ надо заключать, по многимъ признакамъ, бывшихъ въ минувшія времена самыми влиятельными цивилизаторами сѣверныхъ племенъ. Пока точится чуваль, въ избахъ тепло и дыму нѣтъ. Въ этомъ отношеніи онѣ лучше русскихъ курныхъ избъ, но въ свою очередь весьма неопрятны и бѣдны. Не говоря о самоварѣ, въ большинствѣ изъ нихъ не найдется даже чайника, чтобы вскипятить воду. Лѣвый берегъ Малой Оби крутой и въ Мужахъ достигаетъ болѣе 10 сажень высоты. Онѣ покрыты крупнымъ мѣшанимъ лѣсомъ, простирающимся къ сѣверу далѣе Обдорска. Ель преобладаетъ между деревьями. Правый берегъ образуетъ поросшая ивнякомъ низменная долина. Ширина ея, отъ нагорного лѣваго берега Малой Оби, до Обской горы, потянувшейся по правому берегу главнаго русла рѣки, достигаетъ иногда до 50 верстъ. Эта долина, изрытая глубокими протоками, совершенно заливается весеннимъ разливомъ воды. Тогда она представляетъ собою безбрежное водное пространство, на которомъ буря раздуваетъ сильное волненіе. Нѣкоторые изъ жителей Мужей и Березова, почему-то предположивши будто бы я ъѣду къ Надыму отводить земли подъ осѣдлое поселеніе, заявляли мнѣ о своемъ желаніи водвориться тамъ, объясняя, что на Надымѣ замѣтно теплѣе, чѣмъ въ Мужахъ или въ Обдорскѣ; для построекъ имѣется много лѣсу; на низинахъ подлѣ рѣки и на островахъ столько травы, что можно держать коровъ и лошадей; попадаются и кедровыя рощи для орехового промысла; сверхъ того есть превосходныя рыболовныя угодья, а охота прибыльна, какъ на пушныхъ звѣрей,

такъ и на перелетную птицу. Однимъ словомъ, Надымъ слыть благодатнымъ краемъ между русскими обитателями съверныхъ странъ.

Въ Обдорскъ я приѣхалъ изъ Березова въ два съ половиною дня. Ярмарка уже окончилась. По случаю масляницы, происходило оживленное гулянье. Богатые катались на лошадяхъ, остальные на оленяхъ, а ребятишки и на собакахъ. Послѣднихъ запрягаютъ по нѣсколько въ небольшія нарты, какъ лѣтомъ, такъ и зимою, и возятъ на нихъ воду, дрова, сѣно и тому подобные предметы, конечно въ незначительномъ количествѣ. Обдорское селенье не лучше Мужей. Такие же неуклюжіе дома, впрочемъ плотные и теплые, а жители одинаково состоять изъ промышленниковъ и торговцевъ. Немедленно я принялъ за поиски проводника и, къ счастію, нашелъ Мамеева, о которомъ слышалъ въ Тобольскѣ, Самаровѣ и Березовѣ, какъ о наиболѣе знающемъ тундры и инородцевъ. Высокій, сухощавый, безъ малаго пятидесяти-лѣтній Мамеевъ, родомъ Березовскій мѣщанинъ, давно уже проживаетъ въ Обдорскѣ съ семьей, въ своемъ домѣ и выстроилъ еще себѣ избу на лѣсистомъ берегу р. Таза, подлѣ Тазовской губы. Отправляясь туда ежегодно для рыбнаго промысла и для торговли, онъ ознакомился съ съверными тундрами, выучился свободно говорить по-остяцки и по самоѣдски, и стяжалъ добрую извѣстность между инородцами. Ему не удалось разжиться. Не обогатила его и служба у рыбопромышленника Трофимова. За 100 р. сер. Мамеевъ согласился быть моимъ путеводителемъ въ тундрахъ, съ 14 лѣтнимъ племянникомъ своимъ Алешкой,—бойкимъ мальчикомъ, ёзжавшимъ съ дядей на р. Тазъ и тоже хорошо говорившимъ на инородческихъ языкахъ. Обдумывая какъ достигнуть до Надыма, я соображался съ морской картой 1872 г., на которой между Обдорскомъ и Надымомъ начерчена прямая дорога съ надписью, что она проектирована Кушелевскимъ и соединяетъ собою Обь и Енисей съ Печерою. Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ было извѣстно изъ описанія Сѣвера Россіи Сидоровымъ, что онъ прокладывалъ изъ Обдорска сухопутную дорогу и, открывъ ее, провезъ по ней на нѣсколькоихъ тысячахъ оленей 500 пудовъ графита изъ Енисейской губерніи (Сѣвер Росс. стр. 227). Поэтому я сталъ распрашивывать Обдорскихъ обывателей на сколько удобопроходимъ этотъ путь въ лѣтнѣе времена. Вздыхали ли на немъ зимою. Совершенно неожиданно для меня

вопросы мои возбуждали усмѣшку. Оказалось, что когда Сидоровъ хлопоталъ о разныхъ привилегированныхъ предпріятіяхъ, какъ напримѣръ обѣ отпускѣ за-градицу лѣснаго материала и о ввозѣ иностранныхъ товаровъ безъ платежа въ казну пошлинь, (Сѣвер Россіи стр. 230 и 232), то Кушелевский, бывшій прежде Обдорскимъ заслуженнымъ, опредѣлился къ нему и предпринималъ по его дѣламъ дальние разѣзды черезъ тундры, но никакихъ путей при этомъ въ натурѣ не проектировалось и не учреждалось. Прокладывать же дорогу въ тундрахъ зимою, значитъ—найдѣть се по снѣгу. Однако, если она станетъ направляться по открытому пространству, въ такомъ случаѣ бураны весьма скоро совсѣмъ замутятъ ее, вслѣдствіе чего зимнія дороги преимущественно находятся не въ далекѣ отъ тундръ, по рѣкамъ и ихъ побережью, где можно укрываться въ лѣсахъ отъ непогоды, находить тоцливо, распознавать дорогу по живымъ уроцищамъ или по затесамъ на деревьяхъ и, въ добавокъ, охотиться за пушными звѣрями на пути. Самый обеспеченный зимній перѣездъ по тундрамъ представляетъ перекочевка по нимъ съ оленями стадомъ и съ нѣсколькоими инородческими семьями. Тогда можно выбирать стоянку по своему усмотрѣнію, расположиться въ чумѣ, безпрепятственно развести въ немъ огонь, приготовить пищу и, при сильномъ буранѣ, выждать пока погода стихнетъ. Только въ ближайшія тундры єздятъ на перемѣнныхъ оленяхъ, отъ чума до чума, когда навѣрное извѣстно, что въ дацной местности вочуютъ инородцы. Затѣмъ устанавливать почтовую оленью гоньбу между Печерой и Енисеемъ, подобно существующей между Березовомъ, Мужами и Обдорскомъ, едва-ли было бы мыслимо, по урезничайной отданности разстоянія и, въ особенности, если бы она направлялась черезъ открытые тундры, гдѣ пробирался Кушелевский. Тогда на большинствѣ станцій инородцамъ нельзя было бы производить ни рыбной ловли въ прорубяхъ, ни охотничьяго промысла и потребовалось бы обеспечивать ихъ продовольствиемъ, а сверхъ того платить дорогую наемную цѣну, что составляло бы напрасную затрату денегъ, такъ какъ, за немногими исключеніями, промышленники и торговцы не находили бы сподручнымъ разѣзжать по своимъ дѣламъ съ инородцами на почтовыхъ оленяхъ. Если же у Надыма возникло бы русское селеніе, то собственно до него удобно было бы учредить постоянное зимнєе сообщеніе по южному побережью Обской губы, гдѣ

мийются остатки юрты и постройки рыбопромышленниковъ, или же вдоль р. Полуя. По первому направлению въ началѣ декабря 1878 г. прослѣдовала отъ Надыма въ Обдорскъ часть команды парохода «Луизы», прибывъ туда изъ сѣверной половины Обской губы, гдѣ названное судно сѣло да мель и зазимовало, а по второму инородцы привочевываютъ на Обдорскую ярмарку и возвращаются съ неи обратно къ Тазовской губѣ. Что касается лѣта, то въ продолженіи егоѣздить на лодкахъ по рѣкамъ и въ серединныхъ тундрѣ не проникаютъ, потому что инородческое населеніе частью уходитъ изъ нихъ для рыбныхъ промысловъ на Обь и въ устьяъ большихъ рѣкъ, частью откочевываетъ съ олеными стадами на Уральскій хребетъ или на сѣверные полуострова, къ морю. По этой причинѣ и остается неизвѣстнымъ насколько удобопроходимы отдаленные тундры въ лѣтнюю пору. Тѣмъ не менѣе по тундрамъ, покрытымъ бѣлымъ мохомъ, и лѣтомъ возможно проѣзжать на нартахъ, хотя олени, вообще хворающіе въ теплую погоду, скоро устаютъ и мучаются жаждой, не будучи въ состояніи утолить ее такъ часто, какъ снѣгомъ въ зимніе перѣѣзы. Къ тому же имъ доводится страшно терпѣть отъ москѣвъ и комаровъ, а въ ненастѣе вязнуть въ тундрахъ. Но тамъ, гдѣ послѣднія покрыты бурымъ или зеленоватымъ мохомъ, составляющимъ наглдный признакъ выбучей трясинѣ, ни на оленяхъ, ни пѣшкомъ, пройти положительно нельзя. По мнѣнію Мамеева, мнѣ надлежало отправляться къ Надыму на перемѣнныхъ оленяхъ, отъ чума до чума, вдоль р. Полуя, благо на немъ кочевали еще инородцы, возвращавшися съ Обдорской ярмарки, а за Надымомъ нанять инородцевъ съ олеными стадомъ и прокочевать къ Сургуту. Такимъ образомъ выяснилось, что, въ сущности, я долженъ пробираться черезъ тундры не по заранѣе опредѣленному направлению, но гдѣ повезутъ инородцы, на что и оставалось рѣшился. Сборы мои продолжались недолго, хотя у меня набралось много клади. Для подарковъ инородцамъ я покупалъ разные предметы, сообразуясь съ ихъ потребностями; именно: въ Омскѣ запасся порохомъ; въ Тобольскѣ купилъ бусъ, колецъ, свинцу, кремней, листового табаку и пр., а въ Сузгунѣ 10 винтовокъ, приготовляемыхъ мѣстными оружейниками собственно для звѣропромышленниковъ и поступающими въ продажу по недорогой цѣнѣ, около 3 р. 25 к. с. каждая; въ Самаровѣ взялъ еще пудъ табаку и въ Березовѣ пріобрѣлъ 5 ведеръ

спирта, по 9 р. с. ведро. Помимо того, я везъ съ собою чемоданъ, чай, сахаръ, сухари, мороженые щи, чашки, чайникъ, 2 котла, столько же топоровъ и пилю. Въ Обдорскѣ, по совѣту Мамеева, было куплено 12 пудовъ печенаго хлѣба и запасъ оленѣаго мяса. Всѧ эта кладь съ принадлежащимъ Мамееву сундукомъ вѣсила покрайней мѣрѣ 40 пудовъ и едва умѣстилась на 4 нартахъ. Наконецъ, пришлось нарядиться въ инородческую оленью одежду, усвоенную на сѣверѣ всѣми русскими,—и торговцами, и промышленниками, и чиновниками, и казаками. Дѣйствительно, въ оленьихъ шимахъ, малицѣ и гусѣ было несравненно теплѣе, чѣмъ въ овчинномъ полушубкѣ. Правда, съ непривычки, я едва двигался въ моемъ нарядѣ; однако онъ не мѣшалъ мнѣ писать и обращаться съ имѣвшимся у меня бусолью. Мнѣ хотѣлось взять съ собою еще спиртовый термометръ, но въ Омскѣ не удалось найти его. 15-го февраля, въ 6 часовъ вечера, я двинулся въ путь. Моей нартой правилъ Мамеевъ; остальными—его племянникъ и казакъ съ работникомъ, подрядившійся за 10 р. с., доставить меня на своихъ оленяхъ за Карнельскія юрты, къ находившимся тамъ чумамъ. Онъ взялъ дорого, но, чтобы не замедлить отѣзда спорами о цѣнѣ, я согласился заплатить ему эти деньги.

Полуй, по произношенію остатковъ и самойдовъ „Поль“, течеть къ сѣверо-западу, по прямому протяженію почти на 350 верстъ, не считая изгибовъ. Онъ впадаетъ въ Обь въ 3-хъ верстахъ отъ Обдорска, находящагося на крутомъ берегу его. Устье Полуя очень глубоко и въ самомъ Обдорскѣ можетъ служить удобною стоянкой для судовъ. Верстъ за 15 выше Обдорска, русло его разбивается въ луговой низменности на 3 рукава. Такъ онъ течеть на разстояніи до 50 верстъ. Далѣе, съ лѣвой стороны, въ него впадаютъ пр. Хо-юганъ, Янгъ-юганъ, Нюну-о-юганъ, Енседе и Айны-юганъ, шириной въ $2\frac{1}{2}$ саж. каждая и съ невысокими берегами до $1\frac{1}{4}$ саж. Сливаясь съ ними, Полуй дѣлаетъ крутые изгибы. При впаденіи Хо-югана, въ 100 верстахъ отъ Обдорска, ширина его простирается до 74 сажень, а при впаденіи Айны-югана—въ 45 сажень. Пройхавъ мѣстами по руслу, мѣстами по берегамъ около 200 верстъ, я ни разу не встрѣтилъ ломовъ и, направившись въ сторону на востокъ къ озеру Лонгобари, оставилъ еще Полуй значительной рѣкой въ 36 саж. ширины. На низовьяхъ его есть хорошія рыболовныя угодья, въ томъ числѣ Важеній запоръ съ

нѣсколькими сорами, принадлежащіе осякамъ Пашерскихъ юртъ и 3 сора на Мохтылевой протокѣ, отдаваемые въ аренду. По берегамъ Полуй тянутся увалы, достигающіе до 20 сажень высоты. Правый берегъ выше лѣваго. Вообще они то приближаются къ руслу, то отдаляются отъ него версты на 2, на 3 и покрыты елью, лиственницею или сосной. Ближе къ верховьямъ рѣки, лѣсъ становится гуще и рослѣ. На низменностяхъ растетъ березникъ и ива. Переѣздъ по Полую до озера Лонгобари продолжался чѣдѣль. Дорога по льду и по берегамъ была хорошо проторена, ис для керемѣни оленей и для ночлега приходилось отыскивать чумы по сторонамъ, куда крайне трудно было бѣхать по глубокому снѣгу. Чумъ—ничто иное какъ обширный шалашъ, составленный изъ 18 кольевъ и обтягиваемый лѣтомъ пологомъ изъ бересты, вываренной въ кипяткѣ, а зимою олеными шкурами въ 2 ряда, шерстью наружу и внутрь этого своеобразного жилья. Тамъ, гдѣ устанавливается чумъ, снѣгъ не разгребаютъ, покрывая его плетенкой изъ березовыхъ прутьевъ и тоже олеными шкурами. Посрединѣ приспособляютъ очагъ и разводятъ огонь. Сначала смолистые дрова невыносимо дымятъ, но когда разгоряется и открывается небольшое отверстіе у двери, то дымъ уносится и не ѿстаетъ глаза. Немногочисленные пожитки инородцевъ хранятся на нартахъ, въ ящицахъ для поклажи. Въ чумы вносятъ лишь утварь для приготовленія пищи. Если же располагаются пробить на одномъ и томъ же стойбѣцѣ нѣсколько времени, тогда въ чумы притаекаютъ птицы или же мѣшкѣстъ тряпьемъ и женщины принимаются за шитье. Подъ Обдорскомъ мнѣ попадались крещеные осяки. Въ чумахъ у нихъ имѣлись кюты съ иконами Спасителя. Послѣ того мнѣ встрѣчались все язычники. Только на ночлегѣ, у впаденія въ Полуй р. Айны-юганъ, я видѣлъ шестидесятилѣтнюю старуху, которую звали Катериной. Она была крещена, а когда вышла замужъ за осяка идолопоклонника, то забыла православіе, всегда до извѣстной степени смѣшанное у инородцевъ съ шаманствомъ. Шодѣ чумовъ на ночь оставляютъ одну или двѣ запраженные нарты. Утромъ на нихъ гоноются за оленями, которыхъ ловятъ арканами съ неумолкаемымъ крикомъ броу! броу! натравляя имъ собакъ. Подобная ловля нерѣдко длилась съ 8 час. до полудня и замедляла выѣздъ. При всемъ томъ, я добѣхаль бы до озера Лонгобари ранѣе, если бы не пролежалъ больной 2 сутокъ. Меня всего разломило, колено

бокъ, трясла лихорадка. О лекарствахъ нечего было думать. Даже въ Обдорскѣ, за отсутствиемъ доктора, вѣроятно пришлось бы ограничиваться какими нибудь домашними средствами; но, слава Богу, все скоро прошло.

Озеро Лонгобари почти круглое, имѣеть до 6 верстъ въ перечникѣ и на юго-западѣ соединяется протокой съ р. Полуемъ. Въ немъ есть бѣлая рыба—язь, окунь, щука и ерши. Около него, въ еловомъ лѣсу, я встрѣтилъ 3 чума тазовскихъ и 4 чума архангельскихъ самойдовъ. Послѣдніе уже 6 лѣтъ откочевали изъ своей родины, скрываясь въ глухихъ сибирскихъ тундрахъ отъ долговъ, а можетъ быть и отъ платежа ясака. Къ сѣверу отъ Лонгобари раскидывается обширная тундра Тыѣ-вви или Ха-вви, покрытая бурымъ мохомъ. По словамъ инородцевъ, лѣтомъ,—это непроходимасть. Къ сѣверо-востоку, между озеромъ и лѣвыми притоками Надымъ, пролегаетъ водораздѣль шириною верстъ въ 40. Проехжая чѣрезъ него, я не замѣтилъ возвышенія поверхности. Мѣстность была ровная, изрѣдка поросшая одиноко стоящею лиственницей, годною для постройки.

Надымъ вѣтекаетъ изъ озера того же названія, не подалеку отъ лѣсистаго водораздѣла, выдвинувшагося между нимъ и верховьями р. Казыма, а также р. Торумъ-югана. При этомъ южная сторона Надымскаго озера примыкаетъ къ тонкому болоту, непроходимому въ лѣтнюю пору, а сѣверная часть окружена высокимъ, густымъ лѣсомъ, куда ежегодно ходятъ промышлять звѣри. Верхнее теченіе Надымъ извилисто, ширина до 5 саж., мѣстами загромождено ломами и, главнымъ образомъ, направляется отъ юга на сѣверъ. Съ правой стороны въ него впадаютъ нѣсколько рѣкъ. Изъ нихъ р. Хадыты беретъ начало около холмистой возвышенности Сатты, отдѣляющей притоки Надымъ отъ притоковъ Пура. При слияніи съ р. Тыдынъ-Отто начинается среднее теченіе Надымъ, поворачивающее къ сѣверо-западу. Принявъ въ себя р. Анупъ-Долу, Надымъ течетъ широкимъ русломъ, на которомъ много острововъ. Берега его возвышенны и покрыты отъ верховья до Анупъ-Долу преимущественно кедровыми и еловыми лѣсами, одинаково какъ и побережья его притоковъ. Лиственница стоитъ одиноко на сосѣднихъ тундрахъ. Но по р. Анупъ-Долу она попадается густыми рощами. При устьѣ Анупъ-Долу постоянно проживаютъ избахъ 4 семьи осяковъ. Тамъ встрѣчаются громадные кедры и

лиственница, имѣющіе болѣе сажени въ окружности и весьма высокіе, такъ что ихъ можно признавать мачтовымъ лѣсомъ. Каждый годъ инородцы отправляются на Анупъ-Долу дѣлать себѣ лодки. Ниже этой мѣстности, по берегамъ Надыма все еще тянутся рослые лѣса. Слѣва въ него впадаютъ р. Юрубей съ притоками Сандей, Малхой и Ептарма, потомъ р. Ампъ-юганъ, при устьи которой тоже располагаются остатки избы. Послѣ впаденія Юрубея, начинается нижнее течедіе Надыма. Здѣсь онъ разбивается на нѣсколько рукавовъ и образуетъ обширные луговые острова, поросшіе ивой и березой. Рукава его направляются къ сѣверу. Самый глубокій изъ нихъ течетъ у лѣваго крутого берега и носить наименованіе Харава или Харая, т. е. лиственничный. Около него, въ 50 верстахъ отъ Обской губы, у рыбныхъ промысловъ стоитъ изба купца Корнилова, къ которой, по свидѣтельству Мамеева, проникалъ пароходъ. Сѣвернѣе, верстъ на 20, измѣренная мною глубина Харава по срединѣ оказалась въ $1\frac{3}{4}$ сажени, а у лѣваго берега въ $2\frac{1}{3}$ сажени. Толщина льда была почти въ $\frac{1}{2}$ сажени. Справа, ближе къ устью, въ Надымѣ впадаетъ р. Ерудей съ притокомъ Сады. Подлѣ нихъ стоятъ остатки избы Наре и Сыдеръ, и избы рыбопромышленника Карякина. Затѣмъ, передъ впаденіемъ Надыма въ Обскую губу, все рукава его сливаются въ одно обширное водное пространство, шириной отъ мыса Жерты къ мысу Лидинзита на 40 верстъ. Но у входа въ Надымѣ изъ Обской губы встрѣчается длинная мель, а есть ли въ ней удобный фарватеръ для глубокосидящихъ въ водѣ судовъ—не известно. Тамъ же лежитъ послѣдній островъ на Надымѣ, называемый Сѣнной-Пугоръ. Все протяженіе Надыма, не считая изгибовъ, простирается на 250 верстъ. Весеннее вскрытие его происходитъ въ концѣ Мая или началѣ Июня. За лѣсистыми берегами его, возвышающимися надъ уровнемъ воды увалами на 20 и болѣе сажень, со всѣхъ сторонъ разстилаются тундры Тыѣ-ввы, Луце-ввы (т. е. русская) Саты-ввы, Хотто-ввы и Пя-ввы. Изъ нихъ то и вытекаютъ впадающія въ Надымѣ рѣки. Надо полагать, что когда нибудь въ упомянутыхъ тундрахъ происходилъ сильный пожаръ. На это указываютъ попадающіеся въ нихъ обуглившіеся пни и многія окрестныя мѣстности, прозванныя инородцами горѣлыми. Но берега Анупъ-Долу должно быть уцѣльли отъ огня и сохранили свою вѣковую растительность. Отсюда очевидно, что слышанныя мною въ Березовѣ

и Мужахъ заявленія объ удобствѣ основать русское осѣдлое поселеніе у Надыма были справедливы. Въ самомъ дѣлѣ, на немъ есть строевые лѣса, кедровыя рощи, луга, рыболовныя угодья и можетъ производиться охотничій промыселъ, какъ на цущныхъ звѣрей, такъ и на птицу. Проѣздомъ по Полу, я совсѣмъ не видаль птицъ; напротивъ, на низменныхъ островахъ Надыма стаями летали бѣлыя куропатки, на которыхъ охотятся инородцы. Если на Надымѣ существовало бы такое же селеніе какъ Мужи или Обдорскъ, то оно безъ сомнѣнія содѣствовало бы торговой дѣятельности по обмѣну сибирскихъ и иностранныхъ товаровъ у мыса Ныды. Тогда Надымскіе жители, располагая возможностью заготовлять дрова и, смотря по спросу, строевой или мачтовый лѣсъ, доставляли бы ихъ, вмѣстѣ съ разными припасами, къ Ныдѣ на разстояніе всего до 100 верстъ. Въ случаѣ же крушенія судовъ въ сѣверной части Обской губы, экипажамъ ихъ ближе было бы искать помощи въ Надымѣ, нежели въ Обдорскѣ. А теперь вокругъ Надыма живутъ 22 остаточныхъ семействъ, попавшихъ въ работники къ рыбопромышленникамъ, и лѣтомъ приходятъ ловить рыбу нѣсколько самѣдскихъ ватагъ.

Дорога отъ озера Лонгобари, направлявшаяся сначала на востокъ, отклонилась къ сѣверу, пересѣкла притоки Юрубея, спустилась въ р. Ампъ-юганъ и, верстахъ въ 10 отъ его устья, достигла до рыбаго промысла Корнилова. Оттуда она продолжала идти на сѣверъ по лѣвому рукаву Надыма, называемому Харава, а потомъ повернула опять на востокъ и, пролегая между островами, дошла до рыбаго промысла Корякина, где правый берегъ Надыма удобенъ для вѣзда. Затѣмъ изъ этой мѣстности она пошла на юго-востокъ по р. Сады. Сравнительно съ прямымъ протяженіемъ отъ устья Ампъ-югана поперегъ Надыма къ р. Сады, вышеобъясненное отклоненіе дороги составило до 50 верстъ крюку; но иначе нельзя было бы пробраться, за отсутствіемъ удобныхъ спусковъ и подъемовъ на крутыхъ берегахъ Надыма, поросшихъ густымъ лѣсомъ. Несмотря на то, все разстояніе отъ Лонгобари до р. Сады, я проѣхалъ въ 2 сутокъ. Это произошло потому, что на пути не нужно было искать по сторонамъ чумовъ и тащиться къ нимъ по глубокому снѣгу, какъ на Полуѣ. Чумы или попадались на самой дорогѣ, или же ихъ совсѣмъ не встрѣчалось, вслѣдствіе чего на Ампъ-юганѣ, мнѣ пришлось переноочевать, укрывшись войлокомъ,

въ нартахъ. Въ виду такой скорости и пользуясь благопріятною погодой, я отправился 25 февраля осматривать Надымъ и, какъ уже сказано, измѣрилъ глубину єго рукава Харава. Въ легкой наrtle безъ клади, олени неслись по льду неуставая, причемъ вѣдь и впередъ мною сдѣлано было покрайней мѣрѣ до 80 верстъ. Означенные перѣзы доказывали какъ трудно опредѣлять разстояніе временемъ средняго оленыяго бѣга, по той причинѣ, что онъ слишкомъ часто менѣется отъ рыхлости снѣга, отъ неудобства переправъ черезъ овраги и рѣки, отъ встрѣчныхъ бурановъ, отъ тяжести наrtle и т. д. Подобное опредѣленіе было бы настолько же гадательно, какъ заключеніе о среднемъ ходѣ навьюченной лошади или нагруженного верблюда въ горахъ, тогда какъ въ равной степени по ихъ переходамъ можно приблизительно вычислить разстояніе безъ ощущительной ошибки. На ночлегѣ у р. Сады, Мамеевъ узналъ что возвратившись съ Обдорской ярмарки самоѣды расположились стойбищемъ верстъ за 100 къ сѣверо-востоку, на правой сторонѣ р. Ниды. Потому нужно былоѣхать еще далѣе въ сѣверныя тувдры, прежде чѣмъ направиться на югъ, къ Сургуту. Впрочемъ, я былъ очень доволенъ тѣмъ, что увижу побережья Ниды, около устья которой, какъ предполагалось, могли бы съ наибольшимъ удобствомъ останавливаться въ Обской губѣ западно-сибирскіе рѣчные пароходы, въ ожиданіи прибытія морскихъ судовъ изъ Европы. Отъ р. Сады путь шелъ на верховья р. Сандибей, впадающей въ Обскую губу у мыса Лидичанта. Сандибей—небольшая рѣка и въ верхнемъ своемъ теченіи имѣетъ всего 2 сажени ширины. Берега его низменны и покрыты рѣдкою, но рослою лиственницей. Далѣе я вѣхалъ въ тундру Янгъ-ввы, т. е. горѣлую. Въ ней опять не нашлось чума и приходилось ночевать въ нартахъ. Тундра эта была мѣстами открытая, хотя прежде она, вѣроятно, была лѣсистою, судя по обуглившимся цѣнямъ, кое гдѣ торчавшимъ изъ подъ снѣга. Вскорѣ на горизонтѣ обозначилась темная лѣсная полоса и я приблизился къ р. Нидѣ у впаденія въ нее р. Хэ-яга. Ширина Ниды простиралась на 2 версты. Лѣвый берегъ ея былъ низменный; за то правый возвышался на 40 сажень. По обоимъ берегамъ росла строевая лиственница. Мамеевъ полагалъ, что мы находились въ нартахъ въ 75 отъ устья Ниды. На нагорномъ берегу, за лѣсомъ, передъ мною раскинулась обширная, холмистая мѣстность. Послѣ непродолжительного перѣзыда, показались самоѣдскіе чумы. Они

располагались отдельными стойбищами, на разстояніи нѣсколькихъ верстъ одно отъ другого. Между ними наѣжены были дороги и наслѣсъ олени стада. Въ каждомъ стойбищѣ было по 3, по 4 и по 6 чумовъ. Здѣсь я провелъ 3 дня въ переговорахъ о дальнѣйшемъ моемъ странствованіи и нѣсколько присмотрѣлся къ инородческому быту.

Проживая совмѣстно около Обской губы, остыки и самоѣды поклоняются тѣмъ же самыми богами, вступаютъ въ браки между собою и придерживаются одинаковыхъ обычаевъ. Но они не слились въ одну народность и говорятъ на различныхъ языкахъ. Кто изъ нихъ представляеть преобладающее племя—рѣшить мудрено. Если остыковъ больше числомъ, то покажется будто бы они бѣрутъ верхъ надъ самоѣдами. Наоборотъ, тамъ, где самоѣды многочисленнѣе, можно прійти къ выводу, что остыки подчиняются имъ. Въ стойбищахъ, куда мнѣ довелось заѣхать, самоѣды преобладали надъ остыками, и по своей численности и по другимъ признакамъ. Они превосходили остыковъ ростомъ, силу и расторопностью, и плохо говорили по остыцки, тогда какъ остыки хорошо знали ихъ языки. Въ пѣсняхъ самоѣдовъ прославлялись не какіе нибудь достопамятныя подѣти рыбопромышленниковъ и ихъ приказчиковъ, но отважная борьба съ медведемъ одинъ на одинъ и сопряженная съ нею опасность. Дѣйствительно, самоѣды большою частью ходятъ на медведя въ одиночку, особнякомъ, а остыки охотятся за нимъ по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ. Помимо этого, оба племена отличаются внѣшнимъ видомъ. У остыковъ лица одутловатыя, блѣдныя и волосы свѣтлые, а самоѣды смуглы и черноволосы. Между ними есть еще разница въ томъ, что остыки именуютъ себя обыкновенно по рѣкамъ, подъ которыхъ живутъ; напримѣръ на Оби они носятъ общее название Аесь-яхъ, на р. Кондѣ прозываются Хонди-хо и т. п. Самоѣды же имѣютъ особыя родовыя имена: Харучи, Ненянгъ, Адеръ и др. Тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ смѣщеніе остыковъ съ самоѣдами замѣтно отразилось уже и на ихъ языкахъ, и на ихъ типѣ. Остацкія и самоѣдскія вѣрованія, сами по себѣ безразличныя, во многомъ зависятъ отъ воображенія, предусмотрительности и ухищреній тѣхъ, кто, вытвердивъ имена и сродство идоловъ, принимается пророчить и объявляется шаманомъ. Чѣмъ чатце сбываются предвѣщанія о вскихъ благахъ или напастяхъ, тѣхъ громче становится слава шамана и излюбленнаго

имъ идола. У встрѣтившихся мнѣ остыковъ и самойдовъ имѣлись семейные и общественные идолы. Это были продолговатые, округленные водою камни въ $\frac{1}{4}$ и даже въ $\frac{1}{2}$ аршина величины, наряженные въ маленькихъ олены малицы. Кіотой служили, если можно такъ выразиться, игрушечные нарточки съ ящиками, въ которыхъ и укладывались идолы. Эти нарточки, ставятся поверхъ ларя, на обыкновенной партѣ, приспособленной къ храненію и перевозкѣ провизіи, вмѣстѣ съ разнымъ имуществомъ. Семейные идолы составляютъ собственность каждого хозяина чума. Общественный идолъ принадлежитъ всему обществу и только хранится у какого либо богатаго, вліятельного лица. Можно думать, что небольшие каменные идолы дали поводъ предполагать будто-бы инородцы боготворятъ каменные орудія. Но это едва-ли справедливо и, по моему мнѣнію, развѣ должно объясняться тѣмъ, что, за отсутствиемъ камней по берегамъ рѣкъ, протекающихъ въ тундрахъ и болотахъ, находимыя иногда инородцами, продолговатыя каменные орудія обшиваются ими лоскутками и становятся идолами, хотя, какъ извѣстно, идолы приготовляются также изъ дерева и недостатка въ количествѣ ихъ инородцы не ощущаютъ. Понятія о государственной власти сосредоточиваются у остыковъ и самойдовъ въ сознаніи, что есть могущественный Русскій царь, которому принадлежать всѣ извѣстныя имъ земли, воды и народы, за исключениемъ чужеземцевъ, прѣѣжающихъ на корабляхъ въ сѣверные моря. При этомъ они безпрекословно чтутъ такъ называемую царскую тамгу, заключающуюся въ томъ, что на обтесанной палочки вырезаются Императорскій вензель, т. е. букву А съ двумя значками внизу. Получивъ подобную бирку, инородческие старшины немедленно исполняютъ предъявляемыя имъ требованія, а предписаній на бумагѣ, не смотря на приложенные печати и пригнѣченный обрывокъ пера, при своей безграмотности, въ толкъ не берутъ. Мѣстнымъ начальствомъ инородцы признаютъ своихъ старшинъ, обдорского засѣдателя и рыбопромышленниковъ, вслѣдствіе безграничного произвола, дозволяемаго себѣ послѣдними. Семья подчиняется отцу или дѣду, если онъ живъ, крѣпокъ и бодръ. Остыки и самойды любятъ своихъ дѣтей, разсчитывая въ сыновьяхъ найти работниковъ, а дочерей сбить за калымъ женихамъ. Дѣвочки развиваются очень скоро и 13 или 14 лѣтъ вступаютъ уже въ замужество. До свадьбы, онъ могутъ садиться на любую парту, обни-

мать отца и т. п. Но бракъ превращаетъ ихъ въ существа нечистыя. Женщина не смѣеть сѣсть на мужскія парты, не должна встѣтиться съ мужемъ на порогѣ чума, а когда какаянибудь принадлежность ея одежды невзначай коснется мужа, то онъ немедленно окуривается бобровою струею, которую можетъ брать отъ жены руками, какъ и прочие предметы. На женщину возлагаются всѣ работы, какія только она въ состояніи выполнить, и заниматься ими для мужчины тяжкій грѣхъ. Вступая въ бракъ, невѣста должна покаяться жениху, если она уже беременна отъ другаго; иначе ей суждено будетъ умереть отъ родовъ. Подобное признаніе не препятствуетъ свадьбѣ. Но если у провинившейся родиться сынъ, тогда его обязанъ воспитывать ея отецъ; если же, родится дочь, то мужъ обыкновенно оставляетъ ее у себя, такъ какъ она все равно уйдетъ изъ семьи, когда вступитъ въ замужество, причемъ за нее заплатить калымъ. Затѣмъ, передъ каждымъ разрѣшеніемъ отъ бремени, жена опять должна исповѣдываться мужу. Однако, узнавъ о невѣрности, онъ не въ правѣ уже отчуждать родившагося ребенка и развѣ сорвать свое сердце тѣмъ, что не возблагодаритъ за него идоловъ. При такомъ отношеніи къ цѣломудрію женщины, она почти всегда достается заплатившему за нее калымъ. И хотя случается похищеніе невѣстъ или, правильнѣе, побѣгъ ихъ съ полюбившимися имъ молодцами, но если похитители не въ состояніи расчитаться въ калымѣ и не успѣютъ скрыться въ дальнихъ тундрахъ у кого либо изъ родственниковъ, то бѣжавшія невѣсты силою возвращаются въ родительскіе чумы и отдаются заранѣе купившимъ ихъ. Многоженство допускается и самойдами и остыками. Богатые имѣютъ иногда по 3 жены. Бываетъ, что дѣвицы страстно влюбляются въ женатыхъ и убѣгаютъ съ ними. Кромѣ того безответная покорность сыновей, не отдѣляемыхъ отъ семьи пока живъ отецъ, позволяетъ послѣднему коротко сближаться со снохами. Всѣ эти обстоятельства обнаруживаются какъ мало сѣверные жители различаются въ семейномъ быту отъ степныхъ пастушыхъ племенъ и даже отъ осѣдлыхъ народовъ, находящихся на наихъ ступеняхъ нравственного развитія. Имущественные отношенія остыковъ и самойдовъ весьма просты, благодаря тому, что, въ большинствѣ, они считаютъ еще позоромъ не заплатить или не заработать долговъ, а черезполосное и поочередное пользованіе ими рыболовными угодьями, тундрами и удобными для

охоты лѣсными участками не усложняется, при достаточномъ просторѣ для всѣхъ. Кражи, грабежи и угощь оленей случаются. За это виновнымъ потаки не даются. Вообще о преступленияхъ, также какъ о кровной мести за убийство, о примиреніи враждующихъ и т. п. инородцы неохотно высказывались, а я не желалъ возбуждать ихъ подозрительности и смущать Мамеева моими распросами объ уголовныхъ дѣлахъ. Ссоры и драки часто возникаютъ между пьяными. Въ болѣзняхъ инородцы лечатся у шамановъ. Наиболѣе они страдаютъ отъ осипы и сифилиса. Между самоѣдами встрѣчалось много рыбыхъ. Напротивъ, сифилисъ не былъ замѣтенъ и, кажется, еще не успѣлъ распространиться на крайнемъ сѣверѣ, въ такой степени, какъ у остяковъ на Оби и ея притокахъ. Медицинскія пособія въ дымномъ чумѣ, при грубой пищѣ и неминуемой нечистоплотности, едва-ли могутъ сопровождаться успѣхомъ. При всемъ томъ, по увѣренію инородцевъ и по свидѣтельству моего проводника, неизлечимые больные не покидаются своими семьями на произволъ судьбы. Изъ лекарственныхъ веществъ инородцы охотно приобрѣтаютъ только бобровую струю, для того, чтобы окуриваться ею, ради очищенія отъ грѣховъ. Одыденная инородческая трапеза состояла изъ печенаго хлѣба, покупаемаго въ Обдорскѣ; изъ рыбьего жира, хранищагося мерзлыми комками въ кожанныхъ мѣшкахъ; изъ разной рыбы и изъ оленыаго мяса. Эти припасы съѣдаются, частью сырьемъ, частью сваренные въ котлахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ инородцы кормятся мясомъ звѣрей и птицъ, добываемыхъ на охотѣ. Лепешекъ изъ черемуховыхъ ягодъ, толокно изъ бѣлой рыбы и сушеныхъ кореньевъ я у нихъ не видѣлъ, хотя слышалъ, что упомянутыми предметами пополняется продовольствие инородцевъ въ южныхъ тундрахъ. Давно уже свыкнувшись съ печенимъ хлѣбомъ, самоѣды относятся къ нему какъ къ существенному подспорью въ своемъ пропитаніи и предпочитаютъ покупать готовые каравай, нежели забирать въ казенныхъ магазинахъ муку, тѣмъ болѣе, что цѣна ей сравнительно высока. Обдорские жители напекаютъ къ ярмаркѣ или продолжаватны, точно полено, или обыкновенные круглые хлѣбы, складываютъ ихъ въ сараи, промороживаютъ и потомъ съ выгодаю сбывають, въ обмѣнъ на мягкую рухлядь. Ржаная мука приобрѣтается инородцами болѣею частю лѣтомъ отъ рыбопромышленниковъ. Соли они потребляютъ не много. Водку пьютъ всѣ безъ изъятія. Ее держать въ

ведерныхъ и двухъ-ведерныхъ боченкахъ. При ограниченномъ числѣ мѣстныхъ властей и послабленіяхъ съ ихъ стороны, торговцы обходять существующее запрещеніе продавать крѣпкие напитки на инородческихъ ярмаркахъ, и снабжаютъ ими остяковъ и самоѣдовъ вволю. Однако, въ общемъ итогѣ, она не расходится по тундрамъ въ значительномъ количествѣ, вслѣдствіе малочисленности инородцевъ и ихъ бѣдности. Нельзя также оставлять безъ вниманія то обстоятельство, что, при всей готовности когда угодно напиться до пьянна, инородцы до извѣстной степени сдерживаютъ свою страсть, иначе въ покупаемыхъ ими въ Обдорскѣ боченкахъ не оказывалось бы ни капли водки за р. Ныдой, а все распивалось бы еще на пути. Вмѣстѣ съ потребленіемъ крѣпкихъ напитковъ, остатки и самоѣды научились у русскихъ обращаться съ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Они стрѣляютъ изъ Сузунскихъ винтовокъ сида, съ невысокихъ сошекъ и довольно мѣтко. Но покупать винтовки и порохъ имъ не по карману. Потому луки со стрѣлами въ ходу у нихъ по прежнему. Ножи, копья, топоры и прочія желѣзныя, а также мѣдныя вещи, приобрѣтаются ими отъ зырянъ, которые приготовляютъ эти издѣлія кустарнымъ способомъ, за не многими исключеніями, весьма грубо. Каменныхъ орудій я не видѣлъ. Табакъ инородцы и жуютъ и курятъ. Сукна, ситцевъ и платковъ они покупаютъ не много. Послѣдними мужчины повязываютъ свои головы въ теплые лѣтніе дни, взамѣнъ шапокъ. Привезенные мною подарки въ глазахъ инородцевъ рѣдкости не составляли. Деньги серебряныя, мѣдныя и бумажныя они знали, но не умѣли различать. Рассчеты ведутся ими на мѣрную рыбу и на мягкую рухлядь. Песцовыя и бѣличыя шкурки служатъ основными мѣновыми знаками. Они сортируются и принимаются по разному курсу, смотря по качеству ихъ и по ярмарочной цѣнѣ. Когда пушные звѣри убиваются на охотѣ, то съ нихъ спѣшатъ снять шкурки, прежде чѣмъ они окоченѣютъ и сушатъ мѣхъ за пазухой. Украшать себя монетами у самоѣдовъ и остяковъ не въ обычай. На это идутъ преимущественно старые солдатскія пуговицы и крупный бисеръ. Одежду шьютъ женщины очень искусно и проворно. Дѣвочки одѣваются теплѣе, нежели мальчиковъ; какъ надо заключать потому, что они раньше формируются. Мнѣ встрѣчались мальчики, выросшіе изъ своего платья до того, что ноги выше колѣнъ были у нихъ совсѣмъ голыя. Такъ они садились на снѣгъ и ходили

по холоду, въ добавокъ плохо обутые. Несмотря на то, они не отмороживали себѣ ногъ. Оленеводство повидимому требуетъ отъ съверныхъ инородцевъ еще менѣе заботъ, чѣмъ стада степныхъ кочевниковъ. Никакихъ заласовъ моха заготовлять для олений не нужно, а гололедица и глубокій снѣгъ не препятствуютъ имъ добывать въ тундрахъ кормъ. Олени падежи происходятъ лѣтомъ, притомъ не столько отъ наружныхъ, сколько отъ внутреннихъ недуговъ. Возможно ли въ дальнихъ пустыняхъ отвращать это бѣдство посредствомъ ветеринарныхъ пособій, когда тамъ мудрено лечить людей, и судить не берусь. Какъ бы то нибыло, у богатыхъ самойдовъ считаются олени еще нѣсколькоими тысячами головъ. Если же въ шѣснахъ упоминается, что въ былыя времена богачи имѣли ихъ десятки тысячъ, то едва-ли можно поручиться, чтобы инородческая фантазія не пріувеличивала воспѣваемаго благосостоянія. Во всякомъ случаѣ, олени въ такой степени полезны своимъ хозяевамъ, что утрата ихъ отъ падежей крайне тягостно отзывается на неприхотливой жизни инородцевъ.

Чтобы доставить меня съ Ныды въ Сургутъ, старшины сообща собрали 207 оленей и 24 нарты. На нѣкоторыхъ оленяхъ надѣзана была царская тамга, въ знакъ того, что они выставляются согласно распоряженію начальства. Но большинство ихъ принадлежало остику Хы-ню, порадившемуся прокочевать со мною въ Сургутъ, въ свое мѣсто чумѣ. Съ нимъ ѿхали жена его Сеу-ко, 6-ти лѣтняя дочь Ня-я, самойда Ма-до съ женою Сармик-а-не, еще 1 остька и 3 самойда. Кромѣ подарковъ, розданныхъ въ стойбищѣ, я обѣщалъ заплатить за мой перѣѣздъ до Сургута 70 р. с. и 6 ведерь спирта, т. е. болѣе 100 р. с. По моему желанію, Мамеевъ договаривался чтобы меня везли по Надыму. Однако оказалось, что для этого нужно было бы нанять большее число людей и оленей, а я не располагалъ на столько денежными средствами. Главное препятствіе заключалось въ томъ, что, на пути по руслу Надыму, олени не находили бы корму. Потому, каждый разъ, для ночлега требовалось бы вѣзжать на крутыя берега рѣки и черезъ густой лѣсъ пробираться по глубокому снѣгу верстъ на десять въ сторону къ тундрамъ, или же останавливаться съ чумомъ и нартами на льду, а оленье стадо отгонять на пастище и сторожить его тамъ въ продолженіи ночи. И то и другое сопряжено было бы съ большою потерей времени и съ такими затрудненіями,

которыхъ не могло бы осилить ничтожное число моихъ спутниковъ, особенно при незнаніи мѣстности. Вследствіе этого остыки и самойды не кочуютъ зимою по Надыму, подобно тому какъ по Цолу, гдѣ тундры ближе отъ русла рѣки, а берега не такъ круты и на нихъ часто встречаются церельски. По той же причинѣ зимняя дорога отъ устья Надыму въ Сургутъ направляется, минуя среднее его теченіе и верховье, прямо черезъ тундру Луд-вны къ Казымскимъ юртамъ и оттуда къ юго-востоку до Оби. Съ Ныды же єздятъ къ Сургуту черезъ холмы Сатты и на р. Торумъ-юганъ, т. е. тѣмъ самымъ путемъ, о которомъ я слышалъ уже отъ самойдскихъ паломниковъ, направлявшихся къ Волторминскимъ юртамъ на поклоненіе Юмалу. Тѣмъ не менѣе мнѣ удалось договориться, чтобы меня довезли покрайней мѣрѣ до высокаго лѣса на р. Анупъ-Долу, впадающей въ Надымъ, на что проводники мои изъявили согласіе. 3-го марта, дружески распростиившись съ инородцами, я покочевалъ на югъ къ Сургуту.

Ныда береть свое начало въ тундрѣ Хотто-вны и течеть въ съверу-западу на протяженіи болѣе 200 верстъ, не считая изгибовъ. Среднее теченіе ея широко, а нижнее теченіе, какъ слышно, сравнительно узко; устье же мелководно. Правый берегъ ея высокъ и даже около впаденія рѣки въ Обскую губу образуетъ холмистые увалы. Лѣвый берегъ низменъ. Изъ тундры Ша-вны въ Ныду впадаетъ притокъ Хэ-яга. Выше Ныда принимаетъ въ себя еще р. Танлоу съ притоками Хэто, Часеду и Сандей. По руслу Ныды въ среднемъ ея теченіи я проѣхалъ около 35 верстъ и постоянно видѣлъ по берегамъ ея строевую ель и лиственницу, толщина которыхъ простидалась болѣе, чѣмъ на $\frac{1}{2}$ аршина въ диаметрѣ. Въ сказанной мѣстности были выпилены образцы хвойныхъ деревьевъ, причемъ самый толстый не выбирались. Этотъ лѣсъ безпрепятственно могъ бы сплавляться къ устью Ныды. Когда я повернулся къ юго-западу, направившись къ р. Анупъ-Долу, Ныда была до $1\frac{1}{2}$ версты ширины.

Въ 2 дни мы приковывали черезъ тундру, покрытую рѣдкою лиственницей, къ верховью Анупъ-Долу и безъимянного ея притока. Здѣсь действительно оказался густой, высокій лѣсъ. Громадные кедры и лиственница въ $1\frac{1}{4}$ сажени въ окружности имѣли такую гигантскую внѣшность, что нечего было и думать свалить ихъ и выпилить образецъ. Съ подобной работой не сладили бы

сопровождавшие меня остатки и самоды, если бы даже Мамеевъ и я принялись помогать имъ. По словамъ инородцевъ и встрѣтившагося мнѣ звѣропромышленника, крупного лѣсу много по р. Анупъ-Долу до самаго ея устья, отстоявшаго верстъ на 60 отъ той мѣстности, гдѣ мы находились. Ширина Анупъ-Долу въ верхнемъ ея теченіи была не болѣе 10 сажень.

Далѣе, мы тащились перелѣсками по глубокому снѣгу къ притоку Надымъ р. Тыдынъ-отто. Okolo нея росъ березнякъ, но деревья были менѣе $\frac{1}{4}$ аршина толщины въ отрубѣ. Ширина верховья Тыдынъ-отто достигала до 7 сажень. Оттуда мы направились черезъ тундру Хотто-ввы къ верхнему теченію р. Ходытты тоже впадающей въ Надымъ. За нею встрѣтились кедровые рощи съ деревьями до $\frac{1}{3}$ аршина въ диаметрѣ. Ширина Ходытты простиралась на $2\frac{1}{2}$ сажени. Осмотръ верховьевъ названныхъ рѣкъ выяснилъ мнѣ, что собранныя мною свѣдѣнія о Надымскихъ лѣсахъ не были пріувеличены. Подлѣ Ходытты, мы вѣхали въ холмы Сатты, выдвинувшіеся между правыми притоками Надымъ и лѣсными притоками р. Пура, а вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣляющіе тундру Хотто-ввы отъ тундры Сатты-ввы. Нѣкоторые увалы достигали до 40 саж. вышинъ и на нихъ показалась сосна. Для обозначенія пути, мѣстами, воткнуты были шесты на подобіе остова чумовъ. Несмотря на то, мы подвигались впередъ медленно. Погода стояла не благопріятная. Сильные бураны поднимались почти ежедневно. Волки разгонали по ночамъ оленей и даже днемъ не отставали отъ насъ. Присутствіе ихъ обыкновенно выдаетъ въ тундрахъ черный воронъ, такой же алчный какъ они и летающей за ними на поиски добычи. Самый ужасный буранъ застигъ насъ 10 марта. Порывистый вихрь охватывалъ со всѣхъ сторонъ, забрасывалъ снѣгомъ, выль, свисталь; въ нѣсколькоихъ шагахъ ничего не было видно. Инородцы stanули поѣздъ вокругъ моей нарты. Всѣ улеглись, укрылись кожами; даже олени понурили головы и дрогли. Черезъ полтора часа мы опять было пустились въ путь. Однако едва перѣхали озеро Паконто и р. Іангъ-яга, какъ буранъ опять сталъ свирѣпствовать. Къ счастію, намъ удалось укрыться въ опушкѣ сосноваго лѣса, гдѣ поставили чумъ, забрались въ него и развели огонь. Но чумъ трещалъ надѣй нами отъ напора вѣтра всю ночь. Самоды говорили, что такой буранъ 4-й въ зиму 1878—79 года. На другой день мы пересѣкли еще двѣ рѣки сажени въ $1\frac{1}{2}$

ширины, одинаково называемыя самодами Іангъ-яга, т. е. горѣлыми. Окруженныя разнымъ мелколѣсьемъ и обуглившимися пнями, онѣ вливаются въ какой то притокъ рѣки Пуръ, впадающей въ Тазовскую губу. На пути встрѣчались озера и все чаще начали появляться сосна. Затѣмъ я достигъ до перевала, отдѣляющаго Надымъ, Пуръ и другія рѣки, текущія по сѣверному склону тундръ, отъ Торумъ-югана и его притоковъ, направляющихся на югъ, къ Оби, а также отъ р. Казыма. Упомянутый водораздѣль, едва замѣтилъ возвышаясь надъ тундрами, тянется къ сѣверо-западу, полосою не шире 25 верстъ. Онъ покрытъ кедрами, елью и въ значительной части сосново, имѣющею болѣе $\frac{1}{4}$ аршина, въ отрубѣ. Повидимому въ немъ нѣтъ обширныхъ болотъ, хотя, по слухамъ, есть небольшая безрыбная озера. Гдѣ его начало и гдѣ конецъ,—спутники мои не знали. На снѣгу виднѣлось множество слѣдовъ оленей. Вскорѣ показались и самыя стада ихъ. Это были дикие олени, съ виду очень похожіе на ручныхъ, съ тою разницѣю, что между ними не было бѣлыхъ. Я не предпринималъ охоты на нихъ, такъ какъ для этого потребовалось бы затратить цѣлый день. По разсказамъ инородцевъ, для охоты за дикими оленями на водораздѣль, остатки приходять на него и въ лѣтнюю пору изъ окрестностей с. Полноватского, пробираясь по Казымской горѣ.

За водораздѣломъ снова раскинулись тундры, но совсѣмъ иного характера, чѣмъ тѣ, которая я уже проѣхалъ. Онѣ представляли собою болота, загроможденныя кочками или скорѣй буграми величиною отъ 5 до 10 кубическихъ сажень. Кочки находились въ близкомъ разстояніи одна отъ другой и состояли изъ песчанаго грунта, поросшаго мохомъ и баговникомъ. Одиночко стоящую лиственницу замѣнили еловыя и кедровыя рощи, располагавшіяся какъ бы островами. Впрочемъ иногда въ этихъ рощахъ попадалась лиственница. Озера стали встрѣчаться весьма часто. Изъ нихъ берутъ свое начало нѣсколько притоковъ Торумъ-югана, отстоящіе отъ верховья рѣкъ, впадающихъ въ Пуръ, не болѣе какъ на 45 верстъ. Въ виду множества проектовъ разныхъ каналовъ между сибирскими рѣками, сочинявшихся въ XIX вѣкѣ и возникшаго въ недавнее время предположенія прорыть каналъ даже за полярными кругомъ черезъ Ялмаль, мнѣ пришло на мысль, что можетъ быть недалеко то время, когда кому нибудь вздумается составить проектъ о соединеніи каналомъ Шура съ Торумъ-юганомъ для облегченія

судоходства изъ Оби въ Тазовскую губу. Но, по всему вѣроятію, подобное предпріятіе въ свою очередь осталось бы лишь проектомъ и не осуществилось бы въ дѣйствительности. Проѣзжая по рѣчкамъ шириной до $1\frac{1}{2}$ сажень, по болотамъ и по озерамъ, мы постепенно вдавались въ лѣсистую мѣстность. Въ ней стала походить осина и береза въ обхватъ толщиною, росла черемуха, калина и рябина, а изъ подъ снѣга выглядывали кусты малины, т. е. появлялась такая растительность, какой не было въ сѣверныхъ тундрахъ. Тѣмъ не менѣе хвойные деревья повсюду преобладали. Ёзда становилась все труднѣе и труднѣе. Инородцы сбивались съ пути и, принималась его отыскивать по затесамъ на деревьяхъ, не всегда распознавали: обозначаютъ ли они оленю дорогу или тропу, проложенную звѣропромышленниками на лыжахъ. Потому намъ не разъ доводилось блуждать по лѣсной чащѣ и возвращаться назадъ. Компасъ не могъ облегчать нашихъ недоумѣній относительно дорогъ, а прорубать просѣки по его указанію было бы невыполнимой работой при 1-й пилѣ, 2 топорахъ и небольшомъ числѣ сопровождавшихъ меня инородцевъ. Напрасные разѣзды по глубокому снѣгу утомляли оленей и наводили скучу на людей. Въ самомъ дѣлѣ, не весело было смотрѣть какъ длинная вереница нартъ или едва тащилась впередъ, или совсѣмъ останавливалась, выжидая чѣмъ кончатся поиски вожаковъ. Только маленькая остишка Ни-я и Алешка не унывали. Послѣдній въ особенности любилъ гоняться за оленями и ловить тѣхъ изъ нихъ, которые предназначались въ упражку. Въ сущности это было не легкимъ дѣломъ и предпринималось обыкновенно 5-ю инородцами. Четверо держали за концы арканы и составляли живую загороду, а пятый загонялъ въ нее оленей. Но они не всегда слушались, перескакивали черезъ протянутые арканы и разбѣгались. Тогда приходилось вновь ловить ихъ. Потому то запряжка оленей и производилась очень медленно, когда, отдохнувъ на ночлегъ, мы начинали собираться въ путь. Вообще въ Алешкѣ проявлялись уже инстинкты будущаго промышленного эксплуататора остиковъ и самоѣдовъ. Онъ важничалъ надъ инородческими дѣтьми и не сближался съ ними. Какъ-то, сбившись съ дороги, мы остановились недалеко отъ капища, представлявшаго небольшую хижину, построенную на 4 высокихъ столбахъ. Я пошелъ на лыжахъ осмотрѣть его. Мамеевъ предупреждалъ, чтобы я отнюдь не пытался отворять въ немъ дверь, объясняя,

что къ ней инородцы прилагаютъ самострѣлы и въ меня могли бы вонзиться стрѣла, охраняющая неприкосновенность идоловъ и принесенныхъ имъ вкладовъ. Несмотря на слова дяди, прибывающаго за мною Алешка неотступно упрашивалъ позволить ему заѣхать внутрь капища, благо никто не увидитъ въ лѣсу, какъ онъ станетъ тамъ хозяйничать. Не согласившись на это, я долженъ былъ насильно оттащить его отъ соблазна и увести обратно къ поѣзду.

За юртами Пакачено, оказавшимися пустыми, потому что проживающіе въ нихъ инородцы откочевываютъ зимою съ оленями въ тундру, намъ встрѣтилась толпа остиковъ. Я спросилъ ихъ крещены ли они, желая этимъ выяснить далеко ли мы находимся отъ русскихъ селеній. Въ отвѣтъ, остики сняли шапки и перекрестились. Они считали, что до Сургута было около 150 верстъ. Двухъ изъ нихъ я нацялъ въ вожаки поѣзда. Но они въ свою очередь сбивались съ пути. Переѣхавъ р. Шляттэ, впадающую въ Торумъ-юганъ и достигающую до 3 саженьширины, мы странствовали по кочковатымъ болотамъ, блуждали въ лѣсахъ, видѣли много озеръ и приблизились у озера Неукодо-ларъ къ Торумъ-югану. Берега его невысоки и поросли почти непроходимымъ мѣшаниномъ лѣсомъ, съ преобладаніемъ хвойныхъ деревьевъ. Ширина рѣки равнялась 20 и 30 саженямъ. Дорога по Торумъ-югану привела насъ къ языческимъ святымъ мѣстамъ, находившимся на лѣвой сторонѣ рѣки. Первымъ изъ нихъ служилъ никогда незамерзающей ключъ съ холодною и не имѣющею особенного вкуса водою. Ему приносить жертвы и подлѣ него оставляютъ оленьи головы или же бросаютъ въ воду лоскутки сукна, пуговицы и т. п. Вторая святыня состояла изъ 4 высокихъ березъ, сверху до цизу увѣшанныхъ бѣлыми оленьими шкурами, тоже съ головами принесенныхъ въ жертву животныхъ. Бывшіе со мною идолопоклонники попросили дозвolenія остановиться, разложили костеръ, нагрѣли кожу на бубнѣ, натянули ее и признались шаманить, величая своихъ боговъ въ замутилованныхъ, монотонныхъ лѣсахъ и сопровождая послѣднія ударами въ бубень. Потомъ, по обычая, удавили оленя, перерѣзали ему затылокъ, распластали мясо и сѣли самые лакомые куски въ честь священныхъ березъ, привѣсивъ къ одной изъ нихъ шкуру жертвы. Вечеромъ, выбрали ночлегъ на болотѣ около лѣса, укрываясь отъ сильнаго вѣтра. Едва и успѣлъ напиться чаю, какъ остишка Сеу-

ко начала просить, чтобы все мы вышли из чума. Она почувствовала приближение родовъ. Я давно замѣтилъ ея беременность, однако не думалъ, чтобы роды случились на пути въ Сургутъ, такъ какъ она все время усиленно работала, распрыгая оленей, уставляя чумъ, приготовляя всѣмъ постели, набирая топливо, занимаясь страшнею и т. д. Даже передъ самыми родами эти работы еще выполнялись ею. Мы поспѣшили уйти и расположились въ нартахъ. Остякъ Хы-ню, выслушавъ исповѣдь жены, присоединился къ намъ. Подлъ страждущей остались въ чумѣ самоѣдка Сармика-не и маленькая Ня-я. Сеу-ко мучилась съ 10 часовъ вечера до 2 часовъ по полуночи. Ребенокъ родился скоро, но послѣдъ долго не выходилъ. Утромъ, язычники опять принялись шаманить. Хы-ню убила оленя, вошелъ въ чумъ и помазала оленѣй кровью лобъ жены. Это означало, что дитя рождено отъ него. Затѣмъ и мы могли входить въ чумъ. Сеу-ко лежала съ осунувшимся, блѣднымъ лицемъ, очень ослабѣвшая. Появившаяся на свѣтъ 18 марта 1879 г. крошка помѣщалась въ ногахъ у матери, завернутая въ оленью шкуру. Самоѣдка зашила послѣдъ въ мѣшокъ и повѣсила его на дерево. Такъ требуется инородческими обычаями; если же роды случаются въ безлѣсной тундрѣ, тогда послѣдъ везутъ съ собою и вѣшаютъ на первое попавшееся дерево. Хы-ню, неимѣвшій сыновей, тужилъ, что не родился мальчикъ и высказывалъ, что даваль обѣть сходить въ Волторминскіи юрты на поклоненіе Юмалу, въ случаѣ если бы желаніе его исполнилось. Оставивъ Сеу-ко съ дѣтьми, самоѣдкой, самоѣдомъ, остякомъ и нѣсколькими оленями, мы отправились въ путь безъ чума.

Вскорѣ встрѣтилось озеро Сызынъ-ларь, у которого сходятся дороги изъ Казыма, Сургута, деревни Тундриной, находящейся на Оби, и отъ Тазовской губы. За Комчинскими юртами намъ пришлось большую частьюѣхать по озерамъ, лежавшимъ одно подлъ другаго. По объясненію мѣстныхъ остатковъ, такимъ множествомъ озеръ усыпано все пространство между Торумъ-юганомъ, Пимомъ и Ламиномъ или Лемаемъ; тамъ же тянутся кочковатыя болота. Двѣ ночи мы провели подъ открытымъ небомъ. 20 марта дорога пошла по густому сосновому лѣсу. Послѣ полудня, поднявшись на возвышенность, вожаки поѣзда увидали Сургутскую колокольню. Всѣ обрадовались; христіане крестились, а идолопоклонники явственно закричали „церковь! церковь!“, зная это русское слово.

И я перекрестился, отъ всей души возблагодаривъ Бога, что 33-хъ дневное странствованіе мое по тундрѣмъ отъ Обдорска за Ныду и оттуда къ Сургуту оканчивается. Въ 7 часовъ вечера я былъ уже въ Сургутѣ, расплатился и распростился съ моими спутниками, а на другой день поѣхалъ на почтовыхъ лошадяхъ вдоль по Оби. Зимная дорога пролегала преимущественно по льду и по низменностямъ, покрытымъ зарослями ивы и березы. Но гдѣ приближалась крутые берега, тамъ росъ густой хвойный лѣсъ. Поѣздка моя не возбуждала никакого любопытства въ промышленникахъ, встрѣчавшихся мнѣ на пути. Если же они начинали разсуждать о ней, то слова ихъ обнаруживали, что тундры давно хорошо имъ извѣстны. 1-го апрѣля, въ самый Свѣтлый праздникъ, я прибылъ въ Тобольскъ. За нѣсколько станцій передъ нимъ весенняя распутица начинала уже затруднять ѿзду. На Иртышской горѣ снѣгу было очень мало и разливались ручьи. Однако 2-го апрѣля опять повалилъ снѣгъ, подморозило и я безпрепятственно доѣхалъ изъ Тобольска въ Омскъ.

Все время моего путешествія въ тундрахъ было значительно болѣе пасмурныхъ, чѣмъ ясныхъ дней. Отъ Обдорска до Ныды преобладалъ сѣверо-западный, а на пути къ Сургуту южный вѣтеръ. Бураны случались верховые, въ продолженіи которыхъ шель снѣгъ, или же низовые, вздымавшіе выругу и при солнцѣ. По ночамъ нѣгода затихала. Сѣверное сіяніе я видѣлъ всего разъ на Ныдѣ, притомъ слабаго желтаго цвѣта. Сказанія о полярной потьмѣ въ зимнюю пору часто наполнялись вымыслами. Но сѣверные жители ничего не высказывали объ этомъ явленіи и какъ будто бы не знали его. Въ февралѣ и марта свѣтало въ 6 часовъ утра, и смеркалось въ 5-мъ часу пополудни, а ночь наступала въ 7 часовъ. Сильные морозы, захватывавшіе у меня дыханіе и, надо полагать, достигавшіе болѣе 40° , бывали весьма часто. Стужа особенно ощущалась при сильномъ вѣтре и по утру.

Обращаясь затѣмъ къ вопросу: удобопроходимы ли западно-сибирскія тундры лѣтомъ, позволю себѣ высказать, что мнѣ по опыту извѣстно каково пробираться по топкимъ болотамъ въ лѣтнюю пору. Съ этимъ я достаточно ознакомился, занимаясь съемкою въ экспедиціи Барона Аминова, дополнявшаго въ 1878 году изслѣдованіе гг. Сиденснера и Мошкова о возможности соединить Обскій и Енисейскій бассейны посредствомъ устройства канала между притоками р. Кети, впадающей въ Обь, и р. Касомъ, текущимъ

и Енисей. И тамъ, несмотря на жаркое лѣто, въ Касовскихъ болотахъ встрѣчался иногда мерзлый грунтъ на глубинѣ $1\frac{1}{2}$, аршинъ, хотя въ 2-хъ или 3 шагахъ отъ такихъ мѣстъ нельзя было добраться шестомъ дна трясины. Можно думать, что около Торумъ-югана, Шима и Ламина, при множествѣ озеръ, встрѣчается еще болѣе топкія зыби, нежели между Кетью и Касомъ. Но въ кочковатыхъ болотахъ есть доступъ къ переходу съ кочки, на кочку. Что касается тундръ между Полуемъ, Надымомъ и Ныдой, то они, по видимому имѣютъ сравнительно большую покатость отъ водораздѣла къ Обской губѣ, доказательствомъ чему служить ничтожное число попадавшихся въ нихъ озеръ. Слѣдовательно, сплошныхъ топей, на далекомъ протяженіи, тамъ ожидать нельзя. Къ тому же, въ сѣверныхъ тундрахъ мерзлый грунтъ безъ сомнѣнія окажется на меньшей глубинѣ, чѣмъ въ южныхъ. Вообще лѣтнее изслѣдование мѣстности между Обскою губою и внутреннимъ водораздѣломъ могло бы производиться съ наибольшимъ удобствомъ, поднимаясь на лодкахъ съ сѣвера по Надыму и съ запада по Казыму. Если въ верховьяхъ названныхъ рѣкъ встрѣтились бы лоны или болота, то лодки перетаскивались бы волокомъ на лодкахъ, какъ это дѣлалось въ экспедицію барона Аминова. При всемъ томъ, лѣтнее изслѣдование тундръ было бы труднѣе зимняго и стоило бы дороже. Болотная сырость, дождливая погода и усиленія при переходахъ черезъ трясину отзывались бы на изслѣдователяхъ вреднѣе стужи. Мириады москѣвъ и комаровъ мучили бы невыносимѣе вшей, кишачихъ въ чумахъ. Даже инородцы не отваживаются лѣтомъ плыть по рѣкамъ въ лодкахъ безъ дымокурьи и носять сѣтки, тогда какъ вши спокойно ловятся ими и сѣдаются. Впрочемъ на самомъ водораздѣлѣ вѣроятно комаровъ не очень много, судя потому, что въ лѣтнее время, тамъ живутъ дикие олени. Можетъ быть и на Надымѣ рои ихъ не велики. Но по Казыму, Торумъ-югану, Шиму и Ламину отъ нихъ не удастся ни днемъ, ни ночью, какъ на Кети. Вслѣдствіе этого, лишаясь сна и легко пріобрѣтая лихорадку отъ сырости, изслѣдователи скорѣе утратятъ энергию, нежели коченѣя отъ сильныхъ морозовъ и потребуется заранѣе заготовить нѣкоторые приспособленія для ихъ пребыванія въ тундрахъ, какъ напримѣръ: палатки, походные складныя кровати и т. п. По той же причинѣ для перетаскиванія лодокъ волокомъ и переправы черезъ болота при

экспедиціи должно было бы находиться не менѣе 15 рабочихъ. Въ распоряженіи барона Аминова имѣлось 30 человѣкъ, въ томъ числѣ на половину солдатъ. Но несмотря на по очередную работу, многіе изъ нихъ хворали. Рассчитывать же на помощь иностранныхъ невозможно. Они слишкомъ беспомощны и могутъ служить только для указанія мѣстности, хотя и отъ нихъ нельзя ожидать подробнаго знакомства съ нею на дальнемъ разстояніи.

Къ настоящей статьѣ о моемъ изслѣдованіи сѣверныхъ тундръ, лѣсовъ и рѣкъ прилагается карта, начерченная мною въ 50 верстномъ масштабѣ, на которой рр. Полуй, Надымъ, Ныда, притоки Шура, Торумъ-юганъ и Казымъ, съ окружающими ихъ лѣсами, а также внутренній водораздѣль, нанесены согласно моимъ наблюденіямъ и собраннымъ мною свѣдѣніямъ; лѣса по берегамъ Оби и ея рукавовъ скопированы съ имѣющейся въ Топографическомъ отдѣлѣ Западно-Сибирскаго Военнаго округа, 2 верстной карты Обской долины; южный берегъ Обской губы и ближайшіе къ нему острова начерчены соотвѣтственно астрономическимъ пунктамъ, опредѣленнымъ гг. Далемъ и Расмусеномъ въ 1876—1878 г.; острова же около полуострова Ялмала и берега его нанесены на основаніи позднѣйшихъ извѣстій и наблюденій, изложенныхъ въ описаніи Уральской экспедиціи гг. Гофмана и Ковалевскаго 1847—1850 г. Вслѣдствіе этого общее очертаніе южной части Обской губы значительно разнится отъ чертежа, напечатанного на морской карте 1872 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ прошу Западно-Сибирскій Отдѣлъ географического общества принять отъ меня для своего музея слѣдующіе предметы:

- 1) Образцы ели и лиственницы—съ Ныды, березы—съ Тыдынъ-отто, кедра—съ Ходытты, сосны—съ водораздѣла и осины—съ Торумъ-югана.
- 2) Самоѣдскую курительную трубку изъ мамонтовой кости, оловянный рожокъ для табаку, мѣдное женское запястье и такую же прижку,—все это зырянскій кустарной выдѣлки.
- 3) Два самоѣдскихъ пояса, украшенныхъ бисеромъ и солдатскими пуговицами; одинъ изъ нихъ съ ножомъ, купленнымъ самоѣдами у зырянъ.
- 4) Оленью сбрую на 2 упряжи съ принадлежностями изъ моржевыхъ зубовъ, арканъ для ловли оленей и два женскихъ рабочихъ мѣшка самоѣдской выдѣлки.

5) Женское остицкое платье изъ краивнаго холста съ цвѣтнымъ узорчатымъ шитьемъ, образцы краивной прижи и кореня, доставляющіе краску для вышивокъ.

6) Фотографический снимокъ съ меня въ оленѣй одеждѣ, служившей мнѣ при поѣздкѣ по тундрѣ.

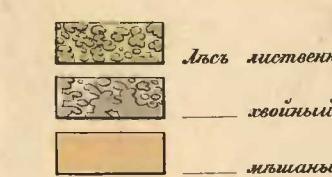
Н. К. Хондажевскій.



Пути Классного Топографа Лондансевского

Кушелевского

Пути, по которым кочуют икогодцы



К А Р Т А
СЪВЕРНОЙ ЧАСТИ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

СЪ ПОКАЗАНИЕМЪ ПУТИ,
ПРОЙДЕННОГО

ЧЛЕНОМЪ-СОТРУДНИКОМЪ ЗАПАДНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

Н. К. ХОНДАЖЕВСКИМЪ.

въ зиму 1879 года

Масштабъ

40 25 0 30 100 вер.

